

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.10>

СОМОНИМЫ В СОСТАВЕ ФИТОНИМОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Научная статья

Рябчикова З.С.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (rzs05[at]mail.ru)

Аннотация

Данная работа посвящена анализу хантыйских народных фитонимов, в составе которых обнаруживаются сомонимы. Материалы почерпнуты из полевых материалов во время экспедиционных работ в места компактного проживания хантыйского населения в Ханты-Мансийском (Нижневартовский, Сургутский, Березовский районы) и Ямало-Ненецком (Шурышкарский р-н, г. Салехард, Полярный Урал – оленеводческое стойбище) автономных округах. В работе использованы материалы как лексикографических источников, так и отдельных монографий, и статей. Фитонимы, в состав которых входят названия растений или их морфологических частей, как правило, являются составными. В них встречается от двух до четырех компонентов (пример последнего: *woki-ley-töj-päyrint* 'высокая трава с большими листьями' (букв. 'кончик лисьего хвоста-трава')). Одним из этих компонентов и может быть сомоним. Он может выступать как последний, определяемый компонент, например, *ul-sem* 'одна-единственная ягода брусники', либо в качестве определения, например, в *jötəŋ pom* 'пырей', букв. 'трава, имеющая суставы, сочленения' ('сустав-трава'). Число подобных фитонимов невелико; в ряде случаев это даже не названия конкретных видов растений, а их частей или каких-либо форм, например, *änčə' kōnč* 'остаток цветка на конце плода шиповника', букв. 'шиповник-коготь', или *näyer-tūŋki* 'остов кедровой шишки'. Изучение фитонимов финно-угорских языков имеет не только важнейшее значение в языкознании, но и для смежных дисциплин: истории (в т.ч. материальной и духовной культуры), этнографии. Поэтому сбор и изучение разнообразного фитонимического материала угорских и самодийских языков актуальны сегодня как никогда.

Ключевые слова: сомоним, фитоним, лексика, хантыйский язык, уральские языки.**SOMONYMS IN PHYTONYMS OF THE KHANTY LANGUAGE**

Research article

Ryabchikova Z.S.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-7297-5590;¹ Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (rzs05[at]mail.ru)

Abstract

This work is dedicated to the analysis of Khanty folk phytonyms, which include somonyms. The materials were taken from field materials during expeditions to the places of compact residence of the Khanty population in the Khanty-Mansiysk (Nizhnevartovsk, Surgut, Berezovsky districts) and Yamalo-Nenets (Shuryshkarsky district, Salekhard, Polar Urals – reindeer herding station) autonomous districts. The materials of both lexicographic sources and individual monographs and articles were used in the work. Phytonyms that include names of plants or their morphological parts are, as a rule, composite. They have from two to four components (example of the latter: *woki-ley-töj-päyrint* 'tall grass with big leaves' (lit. 'fox-tail tip-grass')). One of these components can be a somonym. It can act as the last, definable component, e.g. *ul-sem* 'one-single lingonberry berry', or as a definition, e.g. in *jötəŋ pom* 'ghoul', lit. 'a grass having joints, articulations (joint-grass). The number of such phytonyms is small; in a number of cases they are not even names of specific plant species, but of their parts or some forms, e.g. *änčə' kōnč* 'the rest of the flower at the end of the fruit of the rosehip', lit. 'briar-briar-bone', or *näyer-tūŋki* 'the hulk of a cedar cone'. The study of phytonyms of Finno-Ugric languages is not only crucial in linguistics, but also for related disciplines: history (including material and spiritual culture), ethnography. Therefore, the collection and study of diverse phytonymic material of Ugric and Samoyedic languages is more important today than ever.

Keywords: somonym, phytonym, vocabulary, Khanty language, Uralic languages.**Введение**

Сомонимы хантыйского языка широко используются при создании наименований, как в сфере лексики природы, так и в области лексики, обозначающей реалии, созданные человеком.

В частности, сомонимы ярко представлены в составе фитонимов, зоосемизмов, в лексике неживой природы, в названиях орудий труда и других бытовых реалий. В данной работе мы рассматриваем хантыйские народные фитонимы, в составе которых обнаруживаются сомонимы.

Названия растений в обско-угорских языках немногочисленны, их собранность оставляет желать лучшего. Фитонимы собирались независимо рядом исследователей и потому разбросаны по различным монографиям,

лексикографическим источникам и отдельным статьям. В связи с этим данная статья написана на основе многих источников и полевых материалов автора.

При сборе материала использовался метод полевого лингвистического исследования (непосредственное наблюдение и интервьюирование). Лингвистические методы, применяемые в данной работе – описательный, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа. Материалом исследования послужили данные, собранные в процессе экспедиций в места компактного проживания хантов.

Фитонимы, в состав которых входят сомонимы, как правило, являются составными, то есть представляют собой словосочетания, либо целые описательные конструкции.

Основные результаты

Фитоним в большинстве случаев дает возможность проследить, какой именно признак положен в основу номинации растения. Так, по форме растение *львиный зев* действительно напоминает собой *разинутую пасть льва* [5, С. 33].

В то же время лексика флоры хантыйского языка включает и метафорические элементы. Отдельные номинанты травянистых растений, грибов, ягод, цветов представляют собой метафоры, возникшие на основе сравнения растения или его части с той или иной частью тела человека или животного. Это хорошо видно при детальном рассмотрении некоторых фитонимов хантыйского языка.

Далее хантыйские фитонимы, содержащие сомонимы, даются нами в алфавитном порядке при сохранении транскрипции оригинального источника. При этом первыми в списке даются названия в кириллической записи, а далее – в латинской.

Каз. *вўрмалъ* [4, С. 16], Тгј. Мј. *wir-mel, wūr-mut, wūr-met* [17, С. 1131] (букв. ‘кровь-смородина’) ‘красная смородина’. Называя так ягоду, носители хантыйского языка учитывали цвет объекта, сравнивая его с ангионимом *вур* ‘кровь’ (<ф-уг.**wire* ‘кровь’, ср. фин. *veri*, венг. *vér*, мар. *vjр*, удм., коми *вур* [7, С. 57], [18, С. 576]).

В родственных хантыйскому финно-угорских языках красную смородину чаще называют красной. Например, манс. *выгыр пил* [1, С. 13] (букв. ‘красная ягода’), при этом *выгыр* ‘красный’ также этимологически связано с ‘кровь’ (<ф-уг.**wire*), *пил* – ‘ягода’; в удмуртском ‘красная смородина’ – *горд сумэр* [15, С. 98], в марийском – *йошкар шоптыр* [9, С. 418], в финском – *ripa viinimarja* (букв. ‘красная винная ягода’) [18, С. 1748]. В диалектах коми языка красную смородину именуют *шонди сэтөр* (букв. ‘солнечная смородина’) [7, С. 272], имея в виду не только ее цвет и форму, но и выражая этим словосочетанием свою эстетическую оценку этой ягоды; при этом наиболее распространено *гörd сэтөр* (букв. ‘красная смородина’). Брусника, как ягода с красными плодами также, очевидно, первоначально называлась ‘кровоавой ягодой’, ср.: вах. *wärta-ul* [13, С. 532], при *wärta* ‘красный’, *wär* ‘кровь’, *wärәл* ‘кровянистый, кровавый, окровавленный’; компонент названия *ul* означает ‘ягода’.

В.Н. Соловар выделяет доминирование этого спланхнонимического признака в названиях брусники и красной смородины в хантыйском языке: *вурты воньцумут* (каз.), *урты рых* (шур.), *вурты рэх* (приур.) – брусника (букв. ‘кровяная, красная ягода’), *вэртэ тотэк* (вах.) ‘красная смородина’, *вэртул* ‘брусника’; компоненты *вур*, *вэр*, *ур* во всех диалектах имеют значение ‘кровь’ [12, С. 50]. Краснотал, или курослепник, кустарниковое дерево с красной корой, в восточных диалектах хантыйского языка, имея в виду цвет его коры, называют: VVj. *wär-n’äräm жуу*, Тгј. *wär-n’ärmә жуу* [17, С. 1617], вах. аг. тр.-юг. юг. *wär n’äräm жуу* ‘дерево с кровавыми ветками’ [13, С. 323]. Ольха, у которой слой древесины под корой имеет красный цвет, также именуется в диалектах хантыйского языка ‘кровоавым деревом’: Ni. *хәттәр-жүх*, Каз. *хәлтәр-жүх*. Тем же названием в казымском диалекте обозначается голубика – растение, у которого опьяняющие ягоды с соком красного цвета [17, С. 483].

Тр.-юг. *јөтәл рот* ‘пырей’, букв. ‘трава, имеющая суставы, сочленения (сустав-трава)’ [13, С. 87] – т.е. трава, стебель которой узлами делится на отдельные части, звенья. Здесь налицо использование остеонима живого существа при номинации флористического объекта.

Тс. *жух-хөпәј* [17, С. 510] ‘годовые кольца на срезе дерева’ (букв. ‘живот дерева’). Ср.: Сург. *ләл* ‘годовое кольцо дерева’, *ләләл жүх* – дерево с очень плотными годовыми кольцами [11, С. 120]. Из такого дерева изготавливают лыжи, сани, охотничий лук.

Vj. *woki-lej-töj-päyrint* ‘высокая трава с большими листьями’ (букв. ‘кончик лисьего хвоста-трава’) [17, С. 1131]. Ср. в других родственных языках: коми-зыр. *урбөж* ‘хвоц’ (букв. ‘беличий хвост’) [6, С. 724] – растение, которое своим видом напоминает хвост.

Vj. *äm’-mon-päyrint* (букв.: собачья мошонка-трава) – ‘на песчаных берегах растущее высокое растение с синими цветками’ [17, С. 1131], возможно, что это репейник: по-видимому, его колочки своим видом напоминают собачью мошонку.

V *paуәр-sem* ‘орех кедровой шишки’ [17, С. 1339]; Тег. *nәхәр set* ‘орех кедровой шишки’, ‘ядрышко кедрового ореха (со скорлупой)’ [10] (букв. ‘глаз кедровой шишки’).

Тгј. *näуәр-tünki* ‘остов кедровой шишки’. Данный двукомпонентный фитоним включает в себя спланхноним *tünki* ‘зоб птицы’ [17, С. 1525]. Спланхноним метафорически именует кедровую шишку, напоминающую по форме птичий зоб, содержащую внутри прикрепленные к листочкам кедровые орехи.

Тег. *нохәр sem kar* ‘кожура шишки’ (букв. ‘кора глаза кедровой шишки’) [11, С. 121]; здесь под «глазом» понимается сердцевина шишки кедр – ценного объекта сбора.

V *ul-sem* ‘одна-единственная ягода брусники’ [17, С. 101] (букв. ‘ягода-глаз’). Компонент *set* ‘глаз’ в сочетаниях слов и в сложных словах, в том числе и в названиях, относящихся к растительному миру, приобретает значение ‘частичка, зернышко’.

VVj. *äm’-n’älәм*, КоР., Кг. *амп-п’әмтәм* ‘полевой лук, черемша’ (букв. ‘собачий язык’). Растение своим видом напоминает собачий язык [17, С. 101]. Ср. в мансийском языке *амп-нелм-лупта* ‘одуванчик’, ‘раковые шейки’, букв. ‘собачий язык-трава’. В основе названий этих растений также лежит сравнение их листьев с языком собаки [16, С. 31].

Vj. *änčä' kōnč* 'остаток цветка на конце плода шиповника', букв. 'шиповник-коготь' [17, С. 645]. Носители языка, занимающиеся на протяжении тысячелетий преимущественно охотой и рыболовством, давно заметили качество когтей диких животных. Поэтому вполне естественно, что колючий кустарник и его части вызывают ассоциации с сомонимом коготь и/или ноготь.

Кроме сказанного, отметим, что для обозначения ростка в хантыйском языке используется сомоним нос, например, КоР *kārtopka nātəŋə jəwot* 'картофель начинает прорастать' [17, С. 1046] (букв. 'у картофеля появляются носики'). Ср. в коми языке, где росток также соотносится с носом: *ныр* (букв. 'нос') – росток, всходы [6, С. 471], а росток гороха обозначается словосочетанием *анькытши ныр* (букв. 'нос гороха'). В близкородственном удмуртском языке росток гороха называется *мыйык* (букв. 'борода') [15, С. 201], т.е. носители языка метафорически переносят название сенсонима на фитоним: *волосок бороды* пробивается на лице мужчины так же, как и росток гороха из своего семени. Подобные метафоры при номинации растений вообще характерны для финно-угорских языков, например, в коми языке для обозначения спорыньи – болезни ржаного колоса – употребляется лексема *ужпинь* (букв. 'зуб жеребца') [6, С. 718]. В колосе ржи это зерно большого размера и темного цвета, отличающееся от всех других зерен, вызывает ассоциацию с зубом.

В названиях грибов отражается отношение ханты к данным природным реалиям. Подберезовик – предмет лакомства коров – имеет название *мис ух* 'коровья голова' [10]. В данном случае номинация объекта не является метафорической и проведена не по сходству гриба с головой коровы, а по пристрастию этого домашнего животного к грибам как лакомству. В родственных языках второй компонент сложных (составных) названий грибов со значением 'голова' (например, фин. *rypa||rää* 'подосиновик') обладает также и значением 'шляпка гриба'; по-видимому, и в приведенном хантыйском микониме дело обстоит также.

Обсуждение

Выявлению сомонимического компонента в хантыйских фитонимах известным препятствием выступает то обстоятельство, что хантыйские названия полевых цветов и травянистых растений еще не были предметом специального исследования [12, С. 49]. Подобная же картина наблюдается в языках соседних с ханты народов Крайнего Севера. По-видимому, и собранность этого важнейшего раздела именной лексики оставляет желать лучшего.

Ниже высказаны некоторые существенные замечания по номинации растений и их морфологических частей в хантыйском языке.

Носителями современного хантыйского языка полевые цветы большей частью называются *аньа лыпəт* (букв.: 'красивые листья') [3], [10]. В этом названии подчеркнуто, конечно, отличие цветов по их окраске от других частей растения – обычно зеленых.

Исследователи отмечают, что из окружающего ненцев мира природы особо обозначены только те предметы и явления, которые имеют прямое отношение к их жизни и деятельности; то же можно с уверенностью сказать и о многих других языках. Поскольку количество и качество выпадающих осадков, состояние снежного покрова важны для оленеводства, охоты, перекочевков по тундре, отмечаются, например, разные виды снега. Их зарегистрировано около сорока. Наименования получили разновидности мхов и лишайников, употребляемых в бытовых и хозяйственных целях. В то же время в ненецком языке нет ни общего родового, ни видовых названий цветущих растений, которых в летнее время очень много на Севере. Все цветы без всякого различия обозначаются словом *намдэ*, букв. 'трава' [14, С. 21].

Информанты часто испытывают затруднения при ответах на вопросы, как называются по-хантыйски грибы: грузди, волнушки, путники, лисички, опята, шампиньоны и другие. Они большей частью отвечают, что грибы не входят в меню народа ханты. Примерно такая же картина создается при расспросах носителей хантыйских диалектов о названиях цветов и травянистых растений. Они довольно неуверенно различают травы по видам и сортам. Здесь проявляется традиционная ориентация народа ханты на занятия охотой, рыболовством, сбором ягод и орехов, оленеводством. Поскольку олени в поисках грибов как предмета их лакомства разбредаются по тундре, оленеводы прикладывают довольно большие усилия по их собиранию в стадо. Поэтому грибы вызывают отрицательные ассоциации у оленеводов и их семей и ни в коей мере не являются предметом их внимания, соответственно миконимические наименования не расширяют лексический запас их языка. Также, по-видимому, короткое северное лето, заполненное тяжелым трудом, не способствует детальному знакомству с миром растений.

Заключение

Человек давал особое название не любому растению, а только такому, которое имело для него какое-либо значение (хозяйственное, лекарственное, эстетическое и др.). Именно поэтому многие распространенные растения, окружавшие человека, оставались без названий. В частности, мхи, лишайники, плауны, хвощи, папоротники представлены в финно-угорской фитонимии единичными названиями [2, С. 16]. Итак, во флористических названиях хантыйского языка сомонимы представлены относительно скромно, чаще всего в фитонимах фигурируют спланхнонимы *мясо*, *зоб*, сомоним *хвост*, сенсоним *язык*, ангионим *кровь*. В этом обнаруживается преимущественное занятие народа ханты охотой и рыболовством и довольно позднее его приобщение к земледелию. Обращение к флористической лексике хантыйского языка позволяет наглядно осветить некоторые страницы истории народа, сравнительно недавно приступившего к культивации крупного рогатого скота в домашнем хозяйстве и, следовательно, не обращавшего пристального внимания на существование многообразного мира флоры.

Сокращения названия языков и диалектов

В названиях языков и диалектов:

венг. – венгерский язык; коми-зыр. – коми-зырянский язык; манс. – мансийский язык; мар. – марийский язык; удм. – удмуртский язык; фин. – финский язык; ф-уг. – финно-угорские; каз. – казымский диалект; вах. – ваховский диалект;

приур. – приуральский диалект; шур. шурышкарский диалект; тег. – тегинский говор березовского диалекта; сург. – сургутский диалект.

В названиях диалектов и говоров по Н.И. Терешкину:

тр.-юг. – тромьюганский говор сургутского наречия; вах. – ваховские говоры вах-васюганского наречия; аг. – аганский говор сургутского наречия; юг. – юганский говор сургутского наречия.

В названиях диалектов по DEWOS:

Тгј. – тромьюганский говор (Sur.); Мј. – говор по р. Малый Юган (Sur.), по Карьялайнену; V – ваховский диалект; VVj. – ваховско-васюганский диалект; Ni – низямский диалект на Оби, по Карьялайнену; Kaz. – казымский диалект; Ts. – цингалинский говор (на Иртыше, Irt.); KoP. – говор юрт Каменские на Конде (кондинский диалект), по Паасонену; Kt. – говор юрт Красноярские на Конде (Irt.), по Карьялайнену.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Афанасьева К.В. Русско-мансийский тематический словарь / К.В. Афанасьева. — СПб.: Просвещение, 2002. — 151 с.
2. Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках / И.В. Бродский. — СПб.: Наука, 2007. — 209 с.
3. Картотека Научного языкового центра Югорского государственного университета. — Ханты-Мансийск, 2002-2004.
4. Кононова С.П. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект) / С.П. Кононова. — СПб.: Просвещение, 2002. — 216 с.
5. Константинова Н. Внутренняя форма фитонимов в уральских языках / Н. Константинова // *Tézisek XX IFUSCO (május 3–5. 2004)*. — Budapest: Eötvös Loránd tudományegyetem, 2004. — 33 old.
6. Коми-русский словарь : Коми-роча словарь / под ред. проф. В.И. Лыткина. — М.: Изд-во нац. словарей, 1961. — 560 с.
7. Лыткин В.И. Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. — 430 с.
8. Молданова С.П. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский: Пособие для уч-ся нач. шк. / С.П. Молданова, Е.А. Нёмысова, В.Н. Ремезанова. — Л.: Просвещение, 1983. — 286 с.
9. Марла-рушла мутер / В.М. Васильев, А.А. Саваткова, З.В. Учаев. — Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991. — 510 с.
10. Полевые материалы автора, собранные в экспедициях на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [здесь: Ханты-Мансийск, Теги].
11. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка: монография / З.С. Рябчикова. — Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. — 263 с.
12. Соловар В.Н. Флористическая лексика хантыйского языка / В.Н. Соловар // *Народы Северо-Западной Сибири*. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 49-53.
13. Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н.И. Терёшкин. — Л.: Наука, 1981. — 544 с.
14. Терещенко Н.М. Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.М. Терещенко. — Л., 1967. — 52 с.
15. Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. — М.: Русский язык, 1983. — 592 с.
16. Чайко Т.Н. Названия растений в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка / Т.Н. Чайко // *Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюзной конф. по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР*. — Саранск, 1972. — С. 31-32.
17. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache* / W. Steinitz. — Berlin: Akademie Verlag, 1966-1993.
18. Itkonen E. Suomen kielen etimologinen sanakirja / E. Itkonen, A. Joki, R. Peltola [et al.]. — Helsinki, 1958-1981.
19. Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch* / K. Rédei. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. — 905 S.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Afanasyeva K.V. *Russko-mansijskij tematicheskij slovar'* [Russian-Mansiysk Thematic Dictionary] / K.V. Afanasyeva. — SPb.: Prosveshchenie, 2002. — 151 p. [in Russian]
2. Brodsky I.V. *Nazvanija rastenij v finno-ugorskih jazykah* [Plant Names in Finno-Ugric Languages] / I.V. Brodsky. — SPb.: Nauka, 2007. — 209 p. [in Russian]
3. *Kartoteka Nauchnogo jazykovogo centra Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Card Index of the Scientific Language Centre of Yugra State University]. — Khanty-Mansiysk, 2002-2004. [in Russian]

4. Kononova S.P. Russko-hantyjskij tematiceskij slovar' (kazymskij dialekt) [Russian-Khanty Thematic Dictionary (Kazym dialect)] / S.P. Kononova. — SPb.: Prosveshchenie, 2002. — 216 p. [in Russian]
5. Konstantinova N. Vnutrennjaja forma fitonimov v ural'skih jazykah [Internal Form of Phytonyms in the Uralic Languages] / N. Konstantinova // Tézisek XX IFUSCO (május 3–5. 2004) [Theses XX IFUSCO (May 3-5, 2004)]. — Budapest: Eötvös Loránd University of Sciences, 2004. — 33 p. [in Russian]
6. Komi-russkij slovar' : Komi-rocha slovar' [Komi – Russian Dictionary] / ed. by Prof. V.I. Lytkin. — Moscow: Publishing House of National Dictionaries, 1961. — 560 p. [in Russian]
7. Lytkin V.I. Kratkij jetimologičeskij slovar' komi jazyka [Concise Etymological Dictionary of the Komi Language] / V.I. Lytkin, E.S. Gulyaev. — Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1999. — 430 p. [in Russian]
8. Moldanova S.P. Slovar' hantyjsko-russkij i russko-hantyjskij: Posobie dlja uch-sja nach. shk. [Dictionary of Khanty-Russian and Russian-Khanty: study guide for pupils of primary school] / S.P. Moldanova, E.A. Nyomysova, V.N. Remezanova. — L.: Prosveshhenie, 1983. — 286 p. [in Russian]
9. Marla-rushla muter [Mari-Russian Dictionary] / V.M. Vasil'ev, A.A. Savatkova, Z.V. Uchaev. — Yoshkar-Ola: Mari Publishing house, 1991. — 510 p. [in Russian]
10. Polevye materialy avtora, sobrannye v jekspedicijah na territorii Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry [Field materials of the author, collected in expeditions on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra] [here: Khanty-Mansiysk, Tegi]. [in Russian]
11. Rjabchikova Z.S. Somaticheskaja leksika hantyjskogo jazyka: monografija [Somatic Vocabulary of the Khanty Language: monograph] / Z.S. Rjabchikova. — Khanty-Mansiysk: Print-Klass, 2012. — 263 p. [in Russian]
12. Solovar V.N. Floristicheskaja leksika hantyjskogo jazyka [Floristic Vocabulary of the Khanty Language] / V.N. Solovar // Narody Severo-Zapadnoj Sibiri [Peoples of North-West Siberia]. — Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2002. — P. 49-53. [in Russian]
13. Teryoshkin N.I. Slovar' vostočno-hantyjskih dialektov [Dictionary of Eastern Khanty Dialects] / N.I. Teryoshkin. — L.: Hauka, 1981. — 544 p. [in Russian]
14. Tereshhenko N.M. Voprosy leksiki neneckogo jazyka i principy postroenija dvujazyčnyh slovarij jazykov raznyh sistem s razlichnoj pis'mennoj tradiciej [Issues of Nenets Language Vocabulary and Principles of Building Bilingual Dictionaries of Languages of Different Systems with Different Written Tradition] : dis. abst. ... Doctor in Philology / N.M. Tereshhenko. — L., 1967. — 52 p. [in Russian]
15. Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / ed. by V.M. Vahrushev. — M.: Russian language, 1983. — 592 p. [in Russian]
16. Chayko T.N. Nazvanija rastenij v verhneloz'vinskom dialekte mansijskogo jazyka [Plant Names in the Upper Lozvinisky Dialect of the Mansi Language] / T.N. Chayko // Voprosy sovetskogo finno-ugrovedenija. Jazykoznanie: tez. dokl. i soobshh. na XIV Vsesojuznoj konf. po finno-ugrovedeniju, posvjashhennoj 50-letiju obrazovanija SSSR [Issues of Soviet Finno-Ugric Studies. Linguistics: abstracts and reports at the XIV All-Union Conf. on Finno-Ugric Studies, dedicated to the 50th anniversary of the formation of the USSR]. — Saransk, 1972. — P. 31-32. [in Russian]
17. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache [Dialectological and Etymological Dictionary of the Khanty Language] / W. Steinitz. — Berlin: Akademie Verlag, 1966-1993. [in German]
18. Itkonen E. Suomen kielen etimologinen sanakirja [Etymological Dictionary of the Finnish Language] / E. Itkonen, A. Joki, R. Peltola [et al.]. — Helsinki, 1958-1981. [in Finnish]
19. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch [Uralic Etymological Dictionary] / K. Rédei. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. — 905 p. [in German]